

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В БЫТИЙНОЙ СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена проблеме самоидентификации современного человека. Самоидентификация рассматривается как процесс соотнесения себя с собой, в результате которого формируются представления о себе как о самостождественной, цельной и уникальной личности. Выявляются проблемные моменты в понимании процесса самоидентификации и соотнесение себя как «Я» с истинным образом «Я».

Ключевые слова: самоидентификация, самоидентичность, индивидуальность, самостождественность, модерн, постмодерн.

Проблема самоидентификации человека относится к одной из главных проблем философской мысли и современного общества в целом, остро проявившихся в конце XX века. Современный человек столкнулся с глубоким кризисом процесса самоидентификации и вопрос «кто я?» стал не только предметом теоретического интереса, но и выражением бытовой ситуации, переживаемой множеством людей.

В начале третьего тысячелетия становится все более очевидным, что техногенная цивилизация, постулирующая всемогущество рационально-организованного человека, в значительной мере себя исчерпала. Но техника сама по себе не является субъектом социальных изменений и, следовательно, возлагать на нее ответственность нельзя. Причины кризиса самоидентификации заложены в самом человеке, неспособного собрать многогранную жизнь общества в одно целое.

Весь двадцатый век, от самого начала и до конца, пронизан социально-историческими потрясениями, которые не могли не повлиять на внутренне состояние индивида.

Трансформационные процессы затронули и российский социум, обусловив тем самым необходимость научного осмысления проблем социокультурной самоидентификации личности в условиях социальных перемен.

В настоящее время российское общество представляет собой многоуровневое идентификационное пространство, предоставляющее множество вариантов стратегий и способов социальной самоидентификации личности. Тем самым требуется специальное философское исследование, учитывающее влияние как внешних социокультурных детерминант, так и внутренних индивидуально-личностных факторов.

Комплексную деятельность человека по самоопределению, результатом которого является истинное тождество человека с самим собой, принято считать самоидентификацией. Действительно, тождество предполагает соотнесение себя как «Я» с истинным образом «Я». Такое представление рождается в процессе самоопределения, или поиске самоидентичности.

Исходя из концепции В. Хессле, существует два понятия идентичности: реальная и формальная [6;112]. Если формальная идентичность присуща каждому объекту (включая такие объекты, как числа), то реальная идентичность свойственна только эмпирическим объектам и имеет разные формы – в зависимости от онтологического статуса конкретного объекта. Онтология человека определяет и соответствующую идентичность. Для выживания человека в мире и удовлетворения процессов своего разума, он должен – помимо последовательности – достичь состояния соответствия. Сознание призвано правильно отражать внешний мир, других объектов и собственное «я» человека. Отношение к самому себе особенно важно для достижения личностной идентичности, или самоидентификации.

И в самом деле, самоидентификация – субъект - субъектное отношение, процесс соотнесения себя с собой, в результате которого формируются представления о себе как о самостождественной, цельной и уникальной личности.

Самоидентификация, как понятие, обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я», в независимости от разнообразных несущественных изменений «я» и различных ситуаций, способность личности к полноценному решению задач, возни-

кающих перед ней на каждом этапе ее развития, - все это и есть проявление самоидентичности, тождественности человека самому себе.

Потребность к самоопределению (установлению неких пределов своего «я» и, одновременно, потребность переступить эти границы), самоидентичности всегда была важной потребностью человека. Э. Фромм считал, что эта потребность укоренена в самой природе человека. «Человека можно определить как живое существо, которое может сказать «Я», которое может осознать самого себя как самостоятельную величину. Животное живет в природе и не трансцендирует ее, оно не осознает себя, и у него нет потребности в самождественности. Человек вырван из природы, наделен разумом и представлениями, он должен сформировать представление о самом себе, должен иметь возможность говорить и чувствовать: «Я есть Я»... Человек ощущает потребность в соотнесенности, укорененности и самождественности». Так же Э. Фромм указывает: «Потребность в самождественности является настолько жизненно важной и властной, что человек не может чувствовать себя здоровым, если он не найдет возможности ее удовлетворить. Потребность в эмоциональном самоотжествлении укоренена в природе человека, исходит из самих условий человеческого существования и служит источником наших интенсивных устремлений» [5; 477-480].

Причины роста интереса к проблеме самоидентификации современного человека заключаются, по мнению ученых, в характере переживаемого нами общества «позднего модерна» и постмодерна, например, английский социолог Э. Гидденс в своей работе «Современность и самоидентичность» выделяет три основных черты современности, которые одновременно являются и причинами обострения проблемы самоидентичности. Это, во-первых, крайний динамизм социальных систем - неимоверно возросшая скорость изменения всех процессов, имеющих место в обществе; во-вторых, глобализация социальных процессов - различные районы мира социально и информационно втянуты во взаимодействие друг с другом; в-третьих, появление особых социальных институтов [8; 256].

Следствием глобализации и динамизма современности является крайняя нестабильность социальных ситуаций и «эксцентричность» их последствий, что приводит к возрастанию со-

циальных и природных рисков, которое имеет не только (и не столько) количественное, сколько качественное изменение.

Социальные трансформации сопровождаются ломкой многих традиционных идентичностей. Современное общество характеризуется появлением новых национальных государств. В связи крахом некоторых политических систем, тенденциями к децентрализации и национальному самоопределению политическая идентичность в новом значении этого термина сегодня связана с идентичностью общества и его культурных связей и выступает как национальная идентичность. Мы наблюдаем быстрое распространение культурной идентичности. «Распад современной политической идентичности, которая рассматривает гражданина как члена политического сообщества, ведет к быстрому распространению коллективных идентичностей, основанных отчасти на точно определенных условиях участия в организации общества, отчасти на экзистенциальных особенностях условий жизни, личного характера и экспрессивных и элективных свойств. Новые формы идентичности все более соотносятся, с одной стороны, с частной повседневной жизнью, а с другой - с участием в организации, которое, как мы видим, становится важнейшим условием общественной и экономической интеграции» [3; 126].

Относительно современного российского общества В. Ядов отмечает: «В современном российском обществе мы наблюдаем лишь поверхностное сходство с постмодерными условиями неопределенности в процессах самоидентификации личности» [7;172]. Советское общество в его классической фазе тоталитаризма, по мнению В. Ядова, скорее напоминало традиционное в главном своем качестве - бессубъективности индивида. Социальная идентичность отождествлялась преимущественно с государственно-гражданской идентичностью [7;170].

Так или иначе, процессы и проблемы, переживаемые российским обществом, позволяют утверждать, что сегодня Россия включена в тотальность новой социальной реальности, особенностью которой является тесное переплетение и взаимовлияние институциональных изменений и внутриличностных трансформаций.

Понятие идентичности имеет различные аспекты, и самоидентификация человека может осуществляться на различных уровнях - инди-

видуальном и социокультурном, и в различных формах - национальной, этнической, культурной и т.д., отличающихся своей направленностью. Основанием исследования Гидденса выступает процесс возникновения новых психосоциальных механизмов личностной самоидентификации, которые формируются под влиянием трансформирующихся институтов современности и, в свою очередь, трансформируют эти институты. Гидденс указывает, что существует прямая связь между глоболизирующими тенденциями модерна и трансформацией интимности в контексте повседневной жизни. Самоидентичность, по мнению Гидденса, не является раз и навсегда данным набором личностных черт и склонностей, проявляемых в индивидуальной системе действий. Тожество «я» постоянно создается и поддерживается путем личностной саморефлексии; это «я» «рефлексивно осмысливается индивидом в терминах его биографии» [8;53]. Непрерывность самотождественного «я» предполагает тождество или преемственность внутреннего биографического повествования и его социального изложения, «автобиография составляет ядро самоидентичности в условиях современной социальной жизни» [8;76]. «Я» в условиях «высокой» модерна превращается в рефлексивный проект, т.е. «осуществление целостного, постоянно корректируемого биографического повествования в поливариантном контексте выбора, пропущенного через фильтры абстрактных систем» [8;5]. В таком случае осуществление тождества своей личности, или «разработка траектории Я», становится одной из главнейших жизненных задач индивида. Рассматривая проблему формирования личностной идентичности в современном обществе, Гидденс выделяет четыре дилеммы самоопределения «я»:

1. Унификация или же, наоборот, фрагментация - подчеркивается рефлексивность проецирования «я» в многообразии контекстуальных событий и формах опосредованного индивидуального жизненного опыта личности.

2. Беспомощность или как противоположность - многообразие возможностей в определении своего жизненного стиля: многообразие возможностей освоения собственного стиля жизни порождает чувство бессилия, беспомощности, растерянности.

3. Устойчивые авторитеты или же неопределенность, т.е. в условиях отсутствия несом-

ненных авторитетов самоопределение личности происходит в пространстве между принятием тех или иных авторитетов и неопределенностью, растерянностью в отношении собственной причастности к данным авторитетам.

4. Индивидуальный или же, напротив, стандартизированный товарным производством опыт как фактор, влияющий на самоопределение личности.

Э. Гидденс считает, что в отличие от традиционного общества, где самоидентичность была дана человеку изначально обществом и сохранялась на протяжении почти всей его жизни, в эпоху модерна человек вынужден сам выбирать свой образ из множества вариантов. Однако, по мнению ученого, индивиды, тем не менее, имеют возможность сделать выбор из большого числа поведенческих вариантов. Рефлексивность, т.е. способность большинства аспектов социальной деятельности к изменениям на основе накопленного нового знания, взятая в качестве основной характеристики модерна, понимается Гидденсом в качестве основы механизма самоидентификации. «Я» также становится рефлексивным проектом, т.е. индивид способен в эпоху «поздней модерна» управлять своим чувством «я».

Тем самым, причину проблематизации самоидентификации человека в современном обществе Гидденс находит в быстроменяющемся контексте современности. Основную же задачу социальной науки он видит в поиске новых психосоциальных механизмов личностной самоидентификации человека.

Другой подход к проблеме самоидентификации в современном западном обществе обнаруживается в работах, посвященных исследованию культурно-исторических типов личности. Так, У. Джерджен различает три отличающихся друг от друга культурно-исторических типа индивидуального «я»: романтический, современный и постсовременный. Каждому из них присущи специфические дискурсивные традиции и «набор образных и словарных метафор, отражающих общее мировоззрение и дух времени». Для романтического «я» характерны интенсивность чувств, целеустремленность, четкость нравственных представлений. В отличие от «я» модерна («Я», лишенное качеств», к которому в равной мере применимы категории порока и добродетели, оно неустойчиво, подвержено сомнениям, ощущению размытости ценностных ори-

ентиров), постсовременное «я» состоит не из сущностей, а из образов, причем эти образы - не индивидуальны, а интеракционны по своей природе. Они - часть взаимоотношений данного «я» с другим. Однако, в отличие от «я» символического интеракционизма, «я» постмодерна обладает не только вариативным набором «те» (образ «Другого»), но и дискурсивным, феноменальным (несущностным). «Оно демонстрирует как романтический, так и современный словарь личностной самости, выступающей в виде единого дискурса субъекта, который не обладает никакой реальностью вне данного «текста»».

Описанные Джердженом исторические типы «я» имеют некоторые общие черты, позволяющие упростить их классификацию. Так, современный и постсовременный индивиды обладают фрагментарной, изломанной, подвижной идентичностью. Но если модерн еще как-то пытается вычленивать из хаоса бытия «сущностное Я», то для постмодерна оно уже не существует. И если романтическое и современное «я» можно рассматривать как подвластные картезианской метафизике, то «я» постмодерна - как посткартезианское (плюралистическое) «я» [8].

Одним из первых, кто выявил и отрефлексировал эту проблему в контексте учения о природе человека, был К. Маркс. В шестом тезисе о Фейербахе он пишет: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1; т. 3, с. 3]. В дальнейшем его последователи это определение неправомерно абсолютизировали, а, следовательно, оно было неправильно понято. В этом своем тезисе Маркс вскрыл характерную черту современного общества - отчуждение человеком своей сущности в социальную реальность, в преимущественно социальную самоидентификацию современного человека. Человек лишается собственного «я», успешно заменяя его социальным «я». Исследование Маркса имеет конкретно-исторический характер: в шестом тезисе он раскрыл не сущность человека вообще, а сущность человека эпохи модерна. Не надо забывать, что это определение сущности человека всего-навсего тезис, т.е. положение, которое еще нужно конкретизировать, развивать, доказывать. Именно тезис, а не вывод или обобщение соответствующей теории, концептуальной системы. Весьма показательна в данной связи оценка Энгельса тезисов Маркса о Фейер-

бахе: «Это - наскоро набросанные заметки, подлечившие дальнейшей разработке и отнюдь не предназначенные для печати. Но они неопределимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [1; т. 21, с. 371]. Непосредственно к своему шестому тезису Маркс, насколько нам известно, никогда не обращался. А значит, возможны варианты в интерпретации и коррективы в традиционном его восприятии, тем более Маркс постоянно говорил о желании написать «Диалектику».

Социальная самоидентификация современного человека была подвергнута критике создателями критической теории общества М. Хоркхаймером, Т. Адорно, Э. Фроммом, Г. Маркузе [5; 231]. Критическое осмысление современности, предпринятое этими мыслителями, выявило распространение нового тождества, свойственного индустриальному, технократическому обществу. Вместо доиндустриального тождества - клана, развивается новое тождество - стадо, в котором самоотождествление покоится на чувстве несомненной принадлежности, переживании конформизма. Конформизм - это полный или частичный отказ человека от своего собственного «я» посредством растворения себя в массе, толпе. До тех пор, пока я не отклоняюсь от нормы, пока я являюсь таким же, как другие, я признан ими в качестве «одного из нас», я могу чувствовать себя как «я». Я - это «кто, никто, сто тысяч», как озаглавил одну из своих пьес итальянский драматург J1. Пиранделло.

Э. Фромм в своей концепции «социального характера» раскрыл иллюзорность подобной самоидентификации. «За страстным стремлением к статусу и конформизму скрывается та же потребность и иногда она даже сильнее, чем потребность в физическом выживании. Явное тому доказательство - готовность людей рисковать своей жизнью, жертвовать своей любовью, отказаться от своей свободы и собственного мышления только ради того, чтобы быть членом стада, идти с ним в ногу и достичь таким образом самоотождествления, даже если оно иллюзорно» [4; 480]. Значение «социального характера», по мнению Э. Фромма, состоит в том, что он позволяет наиболее эффективно приспособиться к требованиям общества и приобрести чувство безопасности и защищенности. «Поскольку я не могу оставаться душевно здоровым без «чувства Я», я пытаюсь сделать все,

чтобы добиться данного ощущения» [4;481]. Такая самоидентификация является необходимой для жизнедеятельности человека, но довольно непродуктивной. По мнению Э.Фромма, «социальный характер» является лишь аппаратом адаптации индивида к обществу и в принципе не может решить проблему человеческого существования. Человек не обретает свое настоящее «я», напротив, еще больше удаляется от него, сводя его к другим сущностям.

В рамках критической теории общества проблема отчуждения своей сущности в социальную реальность ставилась так: либо сущность человека возвращается к нему, и наступает царство свободы, либо отчужденное бытие -отлаженный аппарат социального целого, поглощает человека, т.е. навязывает ему свои цели, и наступает царство комфортабельной несвободы [2;15, 222].

В концепции символического интеракционизма Ч. Кули и Дж. Мида, с именами которых собственно и связано введение в обиход социально-философской науки проблематики идентичности, - идентичность вообще рассматривается как изначально социальное образование; индивид видит, а значит, и формирует себя таким, каким его видят другие. Личностная целостность, «самость» не есть а priori человеческого поведения, а складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия («социальной интеракции»).

Выдвинувший так называемую драматическую модель социального взаимодействия Э. Гоффман также считает, что индивидуальное «я» - это не предпосылка, а следствие социальной интеракции, в ходе которой индивид (как «актер») и его аудитория (т.е. «зрители») вырабатывают общее для них определение социальной ситуации. Гоффман разделяет личное и публичное «я». Однако дихотомия личного и публичного Гоффмана не тождественна противопоставлению внутреннего (истинного) и внешнего (ложного) «я». В таком эпистемологическом контексте различие между истинным и ложным, воображаемым и реальным становится скорее стилистической, чем сущностной проблемой.

Современная психология предлагает два психологических состояния человека. Человек может обладать чувством своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной и, во временном смысле, непрерывной личности. Он может жить в мире и встречаться с другими людьми: мир

и другие переживаются как в равной мере реальные, живые, цельные и непрерывные. Подобная, в своей основе онтологически уверенная, личность будет встречать все жизненные опасности: социальные, этические, духовные и биологические - с твердым ощущением реальности и индивидуальности самого себя и других людей. Другое психологическое состояние характеризуется частичной убежденностью или почти полным ее отсутствием, тревогами и опасениями, проистекающими из первичной онтологической неуверенности.

Первое описание, как мы считаем, можно применить к характеристике человека домодерновой, традиционной культуры, а второе - для описания современного человека. Различие между основополагающим экзистенциальным положением онтологической уверенности и положением онтологической неуверенности хорошо отражены в описаниях жизни своих героев Шекспиром и Китсом, с одной стороны, и Ф.Кафкой - с другой. Шекспир описывает персонажей, которые переживают самих себя реальными, живыми и завершенными, как бы их ни запутывали сомнения и ни разрывали конфликты. Шекспир описывает общество и человека своего времени, самоощущение человека традиционного общества, обладающего ощущением самоидентичности, онтологической уверенности, аутентичности. В случае Кафки дело обстоит совсем иначе. Герои Кафки - скорее агенты модерна или даже постмодерна, потерявшие ощущение идентичности собственного «я». Попытка сообщить, на что похоже живое существо при отсутствии подобной убежденности, по-видимому, характеризует творчество огромного количества писателей и художников нашего времени.

Тем самым, можно сделать вывод: проблематизация самоидентификации человека, обнаруженная в начале XX в. в отчуждении индивидом своей сущности в социальную реальность, отказе человека от выбора себя, «бегстве от свободы», привела в конце XX в. к неспособности человека выбрать себя среди разнообразия быстротечных социальных контекстов. Тема становления человеческой идентичности и ее кризисов приобретает доминирующий характер, и в таком контексте о смысле и подлинности человеческого бытия больше нельзя говорить исключительно в субстанциальных или гносеологических терминах.

11.11.2011

Список литературы:

1. Маркс, К. Избранные произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. - М.: Политиздат, 1981. - Т.3.
2. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе. - М.: АСТ, 2003. - 526 с.
3. Суси, П. И. Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультурных обществах / П. И. Суси // Этничность. Национальные движения. Социальная практика: Сборник статей. - СПб.: Петрополь, 1995. - С. 60-70.
4. Фромм, Э. Проблема человека в западной философии. / Э. Фромм. - М.: Прогресс, 1988. - 452 с.
5. Фромм, Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. - М.: АСТ, 2008. - 314 с.
6. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. - 1994. - №10. - С. 112-123.
7. Ядов, В. Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен / В. Ядов // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. - с. 169-183.
8. Giddens, A. Modernity and self-identity. - Stanford (Calif.): Stanford univ. Press, 1991.

Сведения об авторах: **Кеидия Константин Зурабович**, преподаватель кафедры социальной философии Оренбургского государственного университета
460018, пр-т Победы, 13, ауд. 2314, тел. (3532) 372583, e_mail: socf@mail.osu.ru

UDK 111.1

Keidiya K.Z.

Orenburg state university, e-mail: socf@mail.osu.ru

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF IDENTITY IN THE STRUCTURE OF PERSONALITY-EXISTENCE

The article is devoted to the identity of modern man. Self-identification is considered as a process of relating oneself to oneself, resulting in the submission of the form of itself as a self-identity, an integral and unique personality. The author identified areas of difficulty in understanding the process of self-identification and correlation of himself as «I» with the true image of «I».

Key words: identity, self-identity, individuality, self-identifiability, modernity, postmodernity.

Bibliography:

1. Marx, K. Selected Works: in 3 volumes / Karl Marx, Friedrich Engels. - M.: In litizdat, 1981. - V.3.
2. Marcuse, H. Eros and Civilization. Dimensional Man / Herbert Marcuse. - Moscow: AST, 2003. - 526 with.
3. Susi, P. Nation, culture and identity crisis: essays on multicultural Societies / P. Souci // Ethnicity. The national movement. The social practice: Collected papers. - St. Petersburg.: Petropolis, 1995. - S. 60-70.
4. Fromm, E. The problem of man in Western philosophy. / Erich Fromm. - M.: Pro-gress, 1988. - 452.
5. Fromm, E. «Have» or «be» / Erich Fromm. - Moscow: AST, 2008. - 314 with.
6. Heslov, V. The crisis of individual and collective identity / V. Heslov // Problems of Philosophy. - 1994. - №10. - S. 112-123.
7. Yadov, V. Symbolic primordial solidarity (social identity of identification) in the context of rapid social change / V. Yadov // Problems of theoretical sociology. St Petersburg.: Petropolis, 1994. - With. 169-183.
8. Giddens, A. Modernity and self-identity. - Stanford (Calif.): Stanford univ. Press, 1991.